

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-461-470

Суперразнообразиие: реконфигурация культурной сложности контекстов современности*

М.С. Куропятник

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия
(e-mail: kuropyatnik@bk.ru)

Концептуализация социокультурных контекстов XXI века в терминах суперразнообразия подразумевает диверсификацию нынешнего разнообразия, обусловленную меняющимися паттернами глобальной миграции и транснационализации. Концепт суперразнообразия, предложенный С. Вертовеком, выступает в статье как обозначение нового способа описания и анализа современных социальных и культурных процессов. Автор рассматривает три взаимосвязанных аспекта концепта суперразнообразия: дескриптивный, методологический и практический (или политический). Понятие суперразнообразия, как правило, соотносится с новыми иммигрантами, которые перемещаются из множества стран, в том числе не отягощенных прошлым колониальными отношениями с местами притяжения миграционных потоков. Характеристика возникающих контекстов суперразнообразия не исчерпываются признанием роста «разнообразия в терминах этничности» — многомерное измерение суперразнообразия позволяет инкапсулировать паттерны социального неравенства, креолизации и опыт освоения социального пространства, возникающие в условиях диверсификации миграционных каналов и социальных статусов иммигрантов, а также их этнических, гендерных и возрастных характеристик. В новых условиях перманентной мобильности, множественных идентичностей и разнообразных транснациональных практик далеко не все может быть представлено в терминах «мы–они», «большинство–меньшинство», «inside–outside». В этой связи суперразнообразие соотносится не с Другими или меньшинствами, а понимается как новые контекстуальные рамки для всех жителей страны, независимо от их происхождения. При этом в локальных контекстах культурное разнообразие все чаще воспринимается как норма жизни. Таким образом, концепт суперразнообразия сегодня вовлечен в создание нового культурного нарратива современности, вытесняющего устаревшие концепции ассимиляции и мультикультурализма.

Ключевые слова: суперразнообразиие; паттерны миграции; транснационализация; глобализация; интеркультурализм; локальные контексты; культурные нарративы

Если XX век вошел в историю как век миграции, то XXI может стать веком суперразнообразия [11. Р. 43]. Рефлексия реконфигурации «культурной сложности» (Ф. Барт) контекстов современности и стремление разорвать «замкнутый круг» [28. Р. 16] устаревших концепций ассимиляции и мультикультурализма в

* © Куропятник М.С., 2020.

Статья поступила 21.03.2020 г. Статья принята к публикации 22.05.2020 г.

первые десятилетия XXI века концептуально закрепились в рамках понятия суперразнообразия. Олицетворяя фундаментальную трансформацию социальных и культурных контекстов, суперразнообразие означает «диверсификацию разнообразия» [21. Р. 1025]. Утверждаемый в логике отмежевания от мультикультурного подхода и смещения смысловых акцентов дискурсов миграции и разнообразия концепт суперразнообразия выступает новым способом [16] понимания социальной сложности современных обществ и своеобразной «линзой» [11. Р. 45], преломляющей ее в новом свете.

Суперразнообразие: концепт и подход

Концепт суперразнообразия был предложен антропологом С. Вертовеком для описания и анализа меняющихся паттернов миграции, наблюдаемых в Лондоне, а затем и Великобритании в целом [21]. Однако, как и многие другие концепты, вскоре он был перенесен в более широкий национальный, социальный и культурный контекст, приобретая глобальный резонанс, где, наряду с изначальным фокусом на новейших паттернах миграции и транснационализации [24. Р. 126], возникают новые аспекты и интерпретации феномена культурного разнообразия.

Концептуализация социокультурных контекстов XXI века в терминах суперразнообразия не сводится к констатации того факта, что в мире становится все больше разнообразия или этничности. Действительно, в социальном дискурсе постоянно обновляются данные, свидетельствующие о стремительном росте присутствия этнических и культурных групп в той или иной стране и крупных мегаполисах. Например, в Лондоне проживают выходцы из 179 стран [21. Р. 1029], в Нидерландах — из 223: более 200 групп разного происхождения насчитывается в таких городах, как Амстердам и Роттердам [8. Р. 2]. Но суперразнообразие — это не вопрос количественных или демографических изменений. В новых контекстах репрезентации таких традиционных измерений разнообразия, как этничность, страна происхождения, религиозная принадлежность и язык, сопровождаются либо указанием на значимые различия внутри каждой из этих категорий, либо демонстрацией нерелевантности прежних разделительных линий, например, по стране происхождения [21. Р. 1031].

Суперразнообразие представлено Вертовеком как результат комбинации множества переменных, меняющихся контекстов и социальных процессов. Концепт суперразнообразия призван инкапсулировать такие конфигурации новых паттернов неравенства и сегрегации, опыта социальных контактов и освоения пространства, новых форм космополитизма, расизма и креолизации [24. Р. 127–130], которые возникают в условиях диверсификации каналов и паттернов миграции, правового статуса иммигрантов, их этнических, гендерных и возрастных характеристик [16. Р. 541]. По мнению Вертовека, именно множественные миграционные каналы и социальные статусы, а также соотносимые с ними права и ограничения — как катализаторы формирования и

социального капитала, и потенциальных барьеров — составляют одно из фундаментальных измерений динамики современного суперразнообразия [21. Р. 1036–1039]. Таким образом, концепт суперразнообразия подразумевает новое видение и многомерное измерение социокультурных ландшафтов современности в «эру постмультикультурализма».

В этой связи Вертовек выделяет три взаимосвязанных аспекта суперразнообразия: дескриптивный — сопряженный с реконфигурацией населения в контексте глобальных миграционных потоков за последние тридцать лет; методологический — подразумевающий поиск новых подходов и инструментов исследования культурного разнообразия, миграции и социальной мобильности; практический, или политический, — предполагающий смещение фокуса политических и социальных проектов с социальных (или этнических) групп [16. Р. 542–543], в том числе сообществ мигрантов и других меньшинств, на создание условий для реализации иммигрантами индивидуальных траекторий, сопряженных с интеркультурализмом [28].

Один из значимых методологических принципов суперразнообразия как нового подхода — отказ от «этнофокальных линз», предполагающих сведение всего разнообразия к этническим характеристикам [16. Р. 542] — сегодня определяет позицию многих социологов и социальных антропологов. Так, по мнению С. Вессендорф, разнообразие относится к множественным модусам социальной дифференциации и фрагментации, которые реструктурируют общество экономически, социально и культурно [26. Р. 20]. Не менее важны и заложенные в данном подходе интенции преодоления дискурса Другого, по-прежнему таящие опасность его экзотизации и демонизации.

Присущий данному подходу фокус не столько на самой миграции и транснационализации, сколько на суперразнообразии как своеобразном результате социальных и культурных процессов во многом созвучен пониманию культуры в сложных обществах, связанному с Ф. Бартом [4. Р. 123]. По мнению Ф. Мейснер и С. Вертовека, процессуальный подход к суперразнообразию ориентирован на восприятие «разнообразия в движении» («diversity on the move») и позволяет осмыслить бесчисленные модусы, результаты и последствия современных паттернов диверсификации [16. Р. 550–552] — одного из ключевых социальных процессов, определяющих наше время. В этом состоит инструментальное значение суперразнообразия как методологического подхода и понятия. Будучи реакцией на реконфигурацию культурной сложности и модусов социальной дифференциации в современном глобализованном мире, суперразнообразие помещается в концептуальный ландшафт, в рамках которого репрезентируются вопросы социальной организации культурных различий [11. Р. 53–54].

Суперразнообразие, как и культура, — концепт «дуальный» [10. Р. 142–143]: с одной стороны, он задает рамки, внутри которых действия и явления обретают определенный смысл; с другой стороны, выступает как свойство социального контекста. Концептуализация суперразнообразия как социального

контекста, несводимого к той или иной модели сосуществования этнических групп, соотносимых с определенной культурой, позволяет избежать ее реификации как самостоятельной сущности [10. Р. 131].

Суперразнообразие и новые паттерны глобальной миграции

Поскольку аргументация Вертовека первоначально основывается на анализе социальных и культурных конфигураций, возникающих в контекстах миграции, то и суперразнообразие локализуется в пространстве миграции, имплицитно сохраняя модус сопряжения с Другими и ассоциируясь с новыми иммигрантами [21. Р. 1027]. В отличие от «старой» постколониальной миграции, во многом определяемой движением населения из бывших британских колоний и стран Содружества в Великобританию или из Средиземноморского региона в Германию, Францию и другие европейские страны [9. Р. 24; 21. Р. 1024], новые иммигранты перемещаются из множества стран, не отягощенных прошлыми колониальными отношениями с местами их притяжения. Это обстоятельство формирует новую повестку для стран, «примирившихся с миграцией из ограниченного числа прежних колоний», в том числе стимулирует переосмысление мультикультурализма [7. Р. 71]. Кроме того, глобальные миграционные потоки становятся смешанными — образуемыми причудливой комбинацией добровольной и вынужденной, внутренней и внешней, нелегальной и легальной, квалифицированной и неквалифицированной, постоянной и циркулярной миграции [23. Р. 2].

Контексты суперразнообразия обусловлены движением большего числа иммигрантов из большего числа мест, которые перемещаются по множественным миграционным каналам, детерминирующим более стратифицированные правовые категории, и сохраняют интенсивные связи как с местами происхождения, так и с диаспорами по всему миру. В процессе этого движения обретает релевантность множество социокультурных различий [21. Р. 1044]. Численность некоторых диаспор, таких как ирландцы, евреи, греки, ливанцы и армяне, может многократно превышать нации [18. Р. 87–88], что подразумевает перемещение ряда значимых паттернов организации культурного разнообразия за рамки национального государства, т.е. в глобальный контекст.

С другой стороны, будучи вовлечены в процессы «перманентной мобильности» (*permo-mobility*), новые иммигранты извлекают выгоду из уже сложившейся структуры диаспор, вытесняя более ранние поколения мигрантов на периферию [19. Р. 32]. Временные, текучие по составу, более социально стратифицированные и менее организованные, вовлекаемые в сложные иерархии иммиграционных статусов социальные образования новых иммигрантов отличаются от прежних миграционных потоков [22. Р. 86].

В условиях «текущей современности» (З. Бауман), когда прежде стабильные и «насыщенные» социальные институты, такие как класс, семья, труд, общество, соседство и национальное государство, замещаются гибкими и постоянно меняющимися институциональными констелляциями, паттерны

миграции также становятся «текучими». Многие мигранты демонстрируют габитус «преднамеренной непредсказуемости»: их представления о будущем неопределенны, место жительства — непостоянно или биллокально, траектории движения — множественны, включая циркулярную и возвратную миграцию [8; 9. Р. 31–36]. Поскольку граница между постоянной и временной миграцией стирается, а правовые статусы иммигрантов не являются «ни полностью временными, ни полностью постоянными» [14], а балансируют между множеством подвижных, переходных состояний, неуклонно растет беспокойство по поводу источников солидарности в мире суперразнообразия. В контексте перманентной мобильности принадлежность к определенному месту (в антропологическом смысле), культуре, социальной группе, стране утрачивает актуальность и как модус идентификации, и как способ репрезентации социальной жизни. Постоянное переосмысление своей культуры и идентичности, переоценка своего опыта, а также перенос культурных и социальных паттернов, усвоенных в одном месте, в другие люди, соотносящими себя с несколькими социокультурными мирами независимо от места их нахождения, стимулирует формирование множественных гибридных идентичностей.

Гибридные, или «дефисные», идентичности, такие как «британо-мусульманская», «черно-британская» или «британо-китайская», поддерживаемые транснациональными диаспорами и не артикулированными прежде коннотациями, подвергают риску ограниченную нацией общую идентичность, заменяя ее множественными идентичностями, которые могут оказываться столь же ограниченными [6. Р. 22] и фиксированными. По мнению Т. Кэнтла, появление более разнообразных обществ означает, что теперь в любом из них формируются социальные и культурные сети, гораздо более влиятельные, чем традиционные формы отношений — внутринациональные, семейные или приходские [6. Р. 11].

Поскольку в мире становится все меньше миграции и все больше мобильности [2. С. 191], а границы между миграционной и немиграционной мобильностью стираются [3. С. 25–26], аналитический потенциал концепта суперразнообразия в исследовании культурной сложности, не ограничиваемой рамками только миграции, становится все более очевиден [16. Р. 547]. Глобальные паттерны миграции, понимаемые как катализатор перемен и начальная точка анализа, формируются не в вакууме, а вплетены в сложную ткань социальных процессов и взаимодействий. Диверсификация жизненных стилей, растущая индивидуализация и паттерны множественной идентичности также определяют возникающие контексты суперразнообразия [11. Р. 47, 51].

Суперразнообразие и смещение контекстов

Глубоко укоренившаяся в европейских обществах практика соотнесения разнообразия с Другими или меньшинствами привела к его устойчивой локализации не в мейнстриме, а на периферии социальной и политической жизни. Как известно, концепции и политики либерального мультикультурализма

ориентированы на иммигрантов — легальных, постоянно проживающих в стране и предположительно лояльных. Граждане национального государства, или национальное большинство, не вовлечены в сферу политики разнообразия ни в рамках мультикультуральной парадигмы, ни с точки зрения ассимиляционистского подхода, что, в свою очередь, подпитывает идеи о разных категориях населения [28. Р. 4–7, 15]. В новых контекстах суперразнообразия — перманентной мобильности, множественных идентичностей и разнообразных транснациональных практик — далеко не все может быть представлено в терминах белого или черного, большинства или меньшинства [17]. В ситуации, когда уже второе и третье поколения мигрантов проживают в Европе, а сама принадлежность к стране происхождения зачастую воспринята ими от родителей, когда большая часть граждан имеет иммигрантское прошлое, инкапсулировать разнообразие в устаревшие структуры представляется проблематичным [28. Р. 2, 15]. Возникающие контексты суперразнообразия являются новыми для всех, независимо от происхождения — филиппинцев, марокканцев, китайцев, эквадорцев, французов, немцев, венгров или итальянцев [28. Р. 6].

Рефлексия контекстов суперразнообразия стимулирует переосмысление национальной истории и идентичности, выходящих за рамки «истории большинства». Так, в условиях массовых миграций из Индии и Ямайки в Великобританию новые смыслы и интерпретации обретает участие индийских солдат в двух мировых войнах [17. Р. 312]. Становится очевидным, что, не принимая во внимание внутреннее, исторически сложившееся разнообразие национальных обществ, интегрирующих культурные формы разного происхождения [15. Р. 1–2], концептуализировать любые новые — или представляемые таковыми — социокультурные феномены бесперспективно.

В этих условиях нерелевантно и аналитическое разделение «inside–outside» как продуцирующее видение реальности в логике сосуществования двух параллельных, культурно гомогенных миров [13. Р. 21]. Образы «культурных островов», имеющих устойчивые пространственные и социальные границы, не соответствуют новому качеству культурного разнообразия и способам его восприятия в социальных науках [20. Р. xvi, xx]. Приверженность паттернам инкапсуляции и реификации исламской культуры в Европе оспаривается сегодня представителями научных кругов, политики и СМИ, имеющими иммигрантские корни и репрезентирующими в публичной сфере множественные культурные референции. Позиция многих иммигрантов в современной Европе, будучи представлена в терминах этничности, происхождения, образования и места проживания, не может быть осмыслена как выражение аутентичной точки зрения о своей культуре или сообществе, сформированной изнутри. Например, нидерландский политик и писательница Айаан Хирси Али, уроженка Сомали, и сикхская писательница Гурприт Каур Бхатти, которая родилась в Великобритании, в своих текстах критически переосмысливают многие культурные паттерны, ассоциируемые с исламским миром, в том числе в сфере гендерных отношений и семьи. Но одновременно

они глубоко переживают любые проявления несправедливости и дискриминации по отношению к «своим» сообществам [13. Р. 22].

Культурные паттерны семейных и родственных отношений, сопрягаемые с иммигрантами и гражданами с иммигрантским прошлым, находятся сегодня в центре дискуссий о культурных различиях, мультикультурализме и пределах толерантности. Концептуализация родственных отношений в логике утверждения их существенных отличий от «западной семьи», наделяемой универсальными характеристиками и тем самым эссенциализируемой, укорена в европейской культуре [12; 13. Р. 18]. Таким образом, эпистемологическая и политическая организация социального дискурса в терминах полярности семьи, сопряженной с западным миром, и родства, ассоциируемого с другими, неевропейскими культурами, воспроизводится теперь в рамках осмысления разнообразия в границах европейских национальных государств.

Однако паттерны репрезентации семьи, понимаемой как «западная», «иммигрантская» или «мусульманская», в логике генерализации их культурных характеристик, воспроизводятся в контекстах миграции, транснационализации и детерриторизации социокультурных феноменов. В этих контекстах и семья, и родство подвержены глубокой трансформации. По данным С. Вессендорф, в Швейцарии итальянцы второго поколения пересматривают традиционное для них понимание семьи [25]. Дискурс «турецкой семьи» сегодня также актуален для Германии, как и для Турции [12. Р. 9]. Взаимная артикуляция локальных (или национальных) паттернов семейных отношений привносит новые смыслы в это понятие, но и традиционное для европейской культуры понятие нукlearной семьи оказывается малопродуктивным инструментом социальной политики в мире неполных семей и однополых союзов, серийной моногамии и таких домохозяйств, где дружеские отношения превалируют над сексуальными, а также в условиях радикальной трансформации родственных отношений под влиянием новых репродуктивных технологий [13. Р. 17–19].

Разнообразие и суперразнообразие понимаются как преимущественно городской феномен [3. С. 112; 27. Р. 156]. В социальном дискурсе мегаполисы — Лондон, Франкфурт, Амстердам или Цюрих — выступают как нельзя лучше воплощающие идею «весь мир в одном месте» [21. Р. 1024]. В двадцати крупных городах в настоящее время проживает более миллиона жителей в каждом, родившихся за границей, т.е. несколько десятков мегаполисов становятся местом притяжения пятой части всех иммигрантов [7. Р. 70], а ситуация численного доминирования мигрантов и их потомков, составляющих более половины населения Брюсселя, Роттердама, Амстердама или Гааги, делает их «городами большинства меньшинств» [11. Р. 45].

На институциональном уровне разнообразие признается одной из движущих сил преобразования публичной культуры города. В этой перспективе разнообразие уподобляется культуре, развиваемой на основе интеркультурной стратегии как инструмента формирования знаний и преодоления взаимных предубеждений [27. Р. 156]. Речь идет не о тривиальном определении

городских контекстов в терминах разнообразия, а об инкорпорации разнообразия в политическую и гражданскую культуру на уровне как институциональных структур, так и рутинных практик [28]. В локальных контекстах разнообразие все чаще понимается как норма жизни. С. Вессендорф концептуализирует этот феномен как «банальное разнообразие» («*commonplace diversity*»), опираясь на результаты своего этнографического исследования социальных отношений в одном из районов Лондона — Хакни, где вследствие долговременной иммиграции к началу XXI века сложилось «диверсифицированное разнообразие», определяемое отсутствием доминирующих меньшинств и значительной диверсификацией внутри групп. В таких контекстах культурное разнообразие становится неперенным атрибутом повседневной жизни и не воспринимается местными жителями как нечто особенное [26. Р. 2].

Интеркультурализм как новая парадигма эпохи суперразнообразия

Общественная значимость и растущая популярность интеркультурализма во второй декаде XXI века определяется не только присущим ему новым видением разнообразия, высвобождаемого из объятий эссенциализма [27. Р. 158], но и его усилиями по формированию паттернов «жить вместе в глобализованном и суперразнообразном мире» [6. Р. 2]. Приверженность мультикультурализма репрезентации социокультурной реальности в логике дихотомии «большинства–меньшинства» [7. Р. 70] становится неприемлемой и малопродуктивной в контекстах суперразнообразия. Несмотря на фундаментальное переосмысление отношений большинства, меньшинств мигрантов и коренных народов в ряде национальных контекстов, например, в Канаде [5], парадигма дуальности все же смещается на периферию в постмультикультуральных дискуссиях [7. Р. 83]. Так, в Нидерландах категоризация суперразнообразия в терминах «автохтонный–аллохтонный» или «западный–незападный» признается нежелательной как в научных отчетах, так и в политических дискуссиях [11. Р. 52–53]. В то же время и понятие «мы» наполняется более широкими, диверсифицированными социальными и культурными смыслами — ни один политик теперь не желает соотноситься с миром мультикультурализма [22. Р. 92]. В новых контекстах суперразнообразия культурные практики и притязания многочисленных сообществ уже не признаются *a priori* в русле идей мультикультурализма, а становятся предметом публичного, в том числе весьма критического, обсуждения и согласования их статуса и значений всеми участниками. Иными словами, постмультикультуральный дискурс суперразнообразия подразумевает смещение прежних границ толерантности [28. Р. 4–5].

В отличие от мультикультурализма, основанного в Европе на этнических и религиозных различиях, в ряде случаев соотносимых с «расовыми» группами и наделяемых примордиальными смыслами, интеркультурализм — новая

парадигма разнообразия, или совокупность политик, которые подразумевают значимость всех категорий и сфер различий [7. Р. 69, 83]. Однако ключевой для интеркультурализма выступает артикуляция общности, всего того, что связывает людей, а не демонстрация культурной уникальности, подлежащей признанию и уважению людьми, определяющими друг друга в терминах инаковости. Политические и административные практики категоризации индивидов и групп в терминах разнообразия, инкапсулирующие их в соответствии с определенными признаками — религией, языком, национальной принадлежностью или континентом [27. Р. 157], не способствуют формированию навыков совместных действий по созданию общего публичного пространства. Новый метанарратив, вытесняющий устаревшие идеи и разделяющие концепции мультикультурализма, зарождается в рамках интеркультурализма [7. Р. 85], где «первостепенное место уделяется процессам переговоров и диалога, способным положительным образом преобразовать общественное пространство» [1. С. 156].

Библиографический список / References

- [1] Гидденс Э. Непokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М., 2015 / Giddens E. *Nesпокоyny i mogushchestvenny kontinent: chto zhdet Evropu v budushchem?* [Turbulent and Mighty Continent. What Future for Europe?]. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [2] Парк Р. Избранные очерки. М., 2011 / Park R. *Izbrannyye ocherki* [Selected Essays]. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [3] Цапенко И.П., Гришин И.В. (ред.). Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма. М., 2018 / Tsapenko I., Grishin I. (eds.) *Integratsiya inokulturnykh migrantov: perspektivy interkulturalizma* [Integration of Migrants of Different Cultures: Prospects of Interculturalism]. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [4] Barth F. The analysis of culture in complex societies. *Ethnos*. 1989; 54 (3–4).
- [5] Bouchard G. What is interculturalism? *McGill Law Journal*. 2011; 56 (2).
- [6] Cattle T. *Interculturalism. The New Era of Cohesion and Diversity*. London; 2012.
- [7] Cattle T. Interculturalism as a new narrative for the era of globalization and super-diversity. Barrett M. (ed.). *Interculturalism and Multiculturalism: Similarities and Differences*. Strasbourg; 2013.
- [8] Engbersen G. Floating populations, civic stratifications and solidarity: Comment on Will Kymlicka's article "Solidarity in diverse societies". *Comparative Migration Studies*. 2016; 4 (8).
- [9] Engbersen G., Snel E. Liquid migration. Dynamic and fluid patterns of post-accession migration flows. Glorius B., Grabovska-Lusinska I., Kuvic A. (eds.). *Mobility in Transition. Migration Patterns after EU Enlargement*. Amsterdam; 2013.
- [10] Eriksen T.H. The cultural contexts of ethnic differences. *Man*. 1991; 26 (1).
- [11] Geldof D. Superdiversity as a lens to understand complexities. Creese A., Blackledge A. (eds.). *The Routledge Handbook of Language and Superdiversity*. London; 2018.
- [12] Grillo R. Preface. Grillo R. (ed.). *The Family in Question. Immigrant and Ethnic Minorities in Multicultural Europe*. Amsterdam; 2008.
- [13] Grillo R. The family in dispute: Insiders and outsiders. Grillo R. (ed.). *The Family in Question. Immigrant and Ethnic Minorities in Multicultural Europe*. Amsterdam; 2008.
- [14] Kymlicka W. Solidarity in diverse societies: Beyond neoliberal multiculturalism and welfare chauvinism. *Comparative Migration Studies*. 2015; 17 (3).
- [15] Meer N., Modood T., Zapata-Barrero R. A plural century: Situating interculturalism and multiculturalism. Meer N., Modood T., Zapata-Barrero R. (eds.). *Multiculturalism and Interculturalism. Debating the Dividing Lines*. Edinburgh; 2016.
- [16] Meissner F., Vertovec S. Comparing super-diversity. *Ethnic and Racial Studies*. 2015; 38 (4).
- [17] Modood T. Multiculturalism, interculturalism and the majority. *Journal of Moral Education*. 2014; 43 (3).

- [18] Nederveen P.J. Global multiculturalism, flexible acculturation. *Transcience Journal*. 2010; 1 (1).
- [19] Parkes R. People on the move. The new global (dis)order. *Chaillot Papers*. 2016; 138 (June).
- [20] Strathern M. *Partial Connections*. Walnut Creek; 2004.
- [21] Vertovec S. Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies*. 2007; 30 (6).
- [22] Vertovec S. Towards post-multiculturalism? Changing communities, conditions and contexts of diversity. *International Social Science Journal*. 2010; 61.
- [23] Vertovec S. Introduction: Migration, cities, diversities “old” and “new”. Vertovec S. (ed.). *Diversities Old and New. Migration and Socio-Spatial Patterns in New York, Singapore and Johannesburg*. London; 2015.
- [24] Vertovec S. Talking around super-diversity. *Ethnic and Racial Studies*. 2019; 42 (1).
- [25] Wessendorf S. Italian families in Switzerland: Sites of belonging or “golden cages”? Perceptions and discourses inside and outside the migrant families. Grillo R. (ed.). *The Family in Question. Immigrant and Ethnic Minorities in Multicultural Europe*. Amsterdam; 2008.
- [26] Wessendorf S. *Commonplace Diversity: Social Relations in a Superdiverse Context*. London; 2014.
- [27] Zapata-Barrero R. Exploring the foundations of the intercultural policy paradigm: a comprehensive approach. *Identities. Global Studies in Culture and Power*. 2016; 23 (2).
- [28] Zapata-Barrero R. Interculturalism in the post-multicultural debate: A defense. *Comparative Migration Studies*. 2017; 14 (5).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-461-470

Superdiversity: reconfiguration of cultural complexity of the contemporary contexts*

M.S. Kuropjatnik

Saint Petersburg State University
Universitetskaya Nab., 7–9, Saint Petersburg, 199034, Russia
(e-mail: kuropjatnik@bk.ru)

Abstract. Conceptualization of the social-cultural contexts of the 21st century in terms of superdiversity implies diversification of the current diversity due to the changing patterns of global migration and transnationalization. The concept of superdiversity introduced by S. Vertovec means a new way for describing and analyzing contemporary social and cultural processes. The author considers three interrelated aspects of superdiversity: descriptive, methodological and practical (political). As a rule, superdiversity implies new immigrants who move from a larger number of countries than before, including those that did not have colonial relations with the places attracting immigrants. The emerging contexts of superdiversity are not limited to the growth of “diversity in terms of ethnicity” — a multidimensional approach to superdiversity allows it to reflect patterns of social inequality, creolization and the experience of social contacts determined by diversification of migration channels and social statuses of immigrants, of their ethnic, gender and age characteristics. Under the permanent mobility, multiple identities and diverse transnational practices, not everything can be represented in terms of ‘we–they’, ‘majority–minority’, ‘inside–outside’. Therefore, superdiversity is not related to the Other or minorities but presents a new framework for all residents of the country, regardless of their origin. Moreover, in local contexts, cultural diversity is increasingly perceived as a norm. Thus, the concept of superdiversity contributes to the development of a new cultural narrative that would replace the outdated concepts of assimilation and multiculturalism.

Key words: superdiversity; migration patterns; transnationalization; globalization; interculturalism; local contexts; cultural narratives

* © M.S. Kuropjatnik, 2020.

The article was submitted on 21.03.2020. The article was accepted on 22.05.2020.